Декабрь прошлого года ознаменовался двумя важными событиями в гуманитарном пространстве — это конференция, прошедшая на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс», и презентация в редакции журнала «Юность» книги корейской писательницы Пак Кен Ри «Земля», изданной на русском языке. Сначала скажем о первом мероприятии, которое мне удалось посетить. В рамках конференции работала одна интересная и важная, на наш взгляд, секция под руководством К. К. Султанова и И. В. Монисовой — «Национальные и региональные аспекты литератур народов России». Доклады в основном были посвящены бурятской литературе, поэзии, ее особенностям в связи с переводом на русский язык. Один доклад меня очень привлек. Автор выступления разбирал подробно метафору, смысл которой состоял в следующем: глаза лося сравнивались с блеском глаз человека. Лось в мифопоэтическом сознании бурят — верховное существо, тотемный *первопредок*. Это, в свою очередь, меня навело на мысль не только о функционировании тотемических культов в литературе, в желании художников слова обращаться к архаическим представлениям о мире, но и о существовании подобных *верований* в нашей культуре.

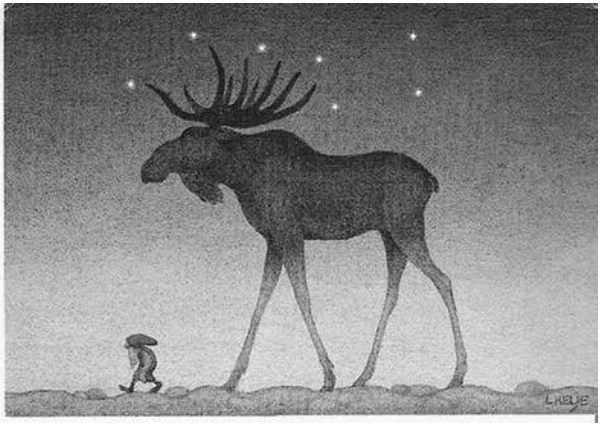
В русском фольклоре особенно показательны сказки «Иван — Медвежье Ушко», «Иван — коровий сын». В этих сказках речь идет о *чудесно рожденном* герое от союза женщины и медведя. Подобные представления не ушли бесследно, они передались литературе, которая органически их впитала. Так, в поэме С. А. Есенина «Инония» находим следующее:

Прокопытю тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц
Надену на земную ось.

У В. В. Маяковского тоже имеется метафора с подобным кодом:

Лосем обернусь,
в провода
впутаю голову ветвистую.

Откуда все это? Авангардистская игра смысла? Имажинистская вычурность? Конечно, молодому поэту на ученическом этапе, может, и сложно вырваться за пределы определенной эстетической систе-



мы, но ведь и сама эта система должна быть *чем-то* напитана. Вот, например, футуризм со своим заумным языком («**дыр бул щыл**» А. Крученых, «**бобэоби**» В. Хлебникова) был тесно связан с *ритуальной заговорной* речью — на это прямо указывали грузинские футуристы и теоретик В. Шкловский.

Новокрестьянская поэзия, к которой Есенин относился на первых порах, так вообще неразрывно связана с фольклорным мировоззрением. Кроме того, сами поэты тянулись к этим знаниям и культуре. Есенин в голодные годы **купил за пять пудов муки** исследования по фольклору А. Н. Афанасьева (возможно, редкие сказки), а в среде футуристов В. Хлебников собирал, изучал загадки. По этим причинам, как кажется, образ лося/оленя, сопряженного со *звездным небом*, совсем не случаен. Но над этим меня заставило задуматься и второе событие, о котором скажу теперь.

Михаил Пак (писатель, художник) перевел книгу корейской писательницы Пак Кен Ри «Земля». Сам переводчик объяснил нам емкое название книги (а это на самом деле не просто книга, а целый роман-эпопея в двадцати томах!) через мифологическую и обрядовую составляющую корейской культуры.

Земля — животворящее начало, к которому припадают и берут силу. Земля — это и символ вечности, перерождений и забвения (вспомните повесть В. Распутина «Прощание с Матерой», в которой река и земля символизируют бесконечные *весны и зимы*). Однако возвращаюсь к нашей образности. В романе есть примечательная глава «Воображаемая гора Сумисан». Так вот, в ней меня поразил образ облаков в виде коней: «Она прижалась щекой к плечу Киль Сана и закрыла глаза. Затем она посмотрела на облака. Облака-кони мчались за реку к горным вершинам». Этот образ не случайно является героине, находящейся в ситуации перелома и выбора в жизни. И вот здесь-то мне и припомнились есенинские воздушные *заревые* кони. В нашей культуре это может быть связано и с резьбой, коньками, петушками на крышах домов, крестьянской избы (см. трактат «Ключи Марии»); также может быть связано с тотемическими верованиями, сохранившимися в русской сказке. Однако все это наводит на мысль о **неслучайности** в поэзии. И в бурятской, и в русской, и в как бы далекой от нас корейской литературе мы находим то общее, что помогает понять, духовно угадать друг друга. Сейчас это, кажется, самое важное для человека — *духовное угадание*. А оно может совершиться теперь только через мировую классическую литературу.